

К ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ РОМАНА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «АЛЕКСАНДР I»

ГАЛИНА ПОНОМАРЕВА

В своих исторических романах и пьесах Д. С. Мережковский неоднократно изображал русских самодержцев: Петра I, Павла I, Александра I, Николая I. Образы российских царей были далеки от традиционного представления, на что сразу обратила внимание критика уже при появлении романа «Петр и Алексей» в журнале «Новый путь» в 1904 г. По словам В. Боцяновского, вместо Петра Великого изображен «какой-то самодур-купец, пьяница, деспот, обладающий мелочным «ндравом» и не любящий, чтобы «ндраву» этому препятствовали». ¹ Роман был выпущен в 1905 г. М. В. Пирожковым, бывшим в то время основным издателем З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. ² В исследовательской литературе уже отмечалось, что содержащиеся в романе «непочтительные отзывы» о Петре Великом и Екатерине I привлекли внимание С-Петербургского цензурного комитета. ³ Мережковскому пришлось писать специальное заявление в Главное управление по делам печати. ⁴

Историческая драма Мережковского «Павел I» была вначале напечатана в журнале «Русская мысль», а затем издана в 1908 г. Пирожковым. Книга сразу же была конфискована. ⁵ Пьеса была запрещена в России, но и в Европе ее судьба сложилась неблагоприятно. ⁶ Позднее против Мережковского за эту книгу было начато судебное преследование.

Сложная судьба была и у романа «Александр I». Как вспоминает З. Н. Гиппиус, роман был закончен к осени 1911 года, но не переписан. ⁷ Весной 1912 г. Мережковские возвращались в Петербург. «25 марта, в день Благовещения и первый день Пасхи, были на границе, в Вержболове. Уже был подан петербургский поезд, когда к нам подошел жандармский полковник и объявил, что по телеграмме из

Петербургу велено «изъять» у нас все бумаги и рукописи, какие будут найдены. У меня ничего не было, но у Д. С. весь текст его романа «Александр I». К счастью, жандарм оказался не то добродушным, не то небрежным и взял только часть рукописи. И даже задержал петербургский поезд, чтобы мы могли продолжать путь».⁸ В московской газете «Русское слово», где с 10 апреля 1911 г. печатались отрывки из «Александра I», была помещена заметка «Арест Александра I», в которой с возмущением рассказывалось о конфискации романа, заканчивающаяся риторическим вопросом: «По какому легендарному закону писатель не может привезти в Россию своей работы, находящейся в рукописном виде?»⁹

Роман «Александр I» начал печататься в журнале «Русская мысль» с мая 1911 г. В связи с конфискацией части романа Мережковский напечатал в «Русской мысли» письмо ее редактору П. Б. Струве с просьбой довести до сведения читателей, что по не зависящим от него обстоятельствам он «лишен возможности доставить раньше осени (сентябрь — октябрь) продолжение романа «Александр I».¹⁰ Об аресте романа в письме ничего не говорилось, но большинство читателей знали о нем из газет.

Цензурная история «Александра I» уже рассматривалась в статье В. Е. Евгеньева - Максимова «"Александр I" Мережковского и Департамент полиции».¹¹ Исследователь подробно прослеживает историю разногласий между департаментом полиции и цензурным ведомством. Поскольку эта работа напечатана в 1922 г. и в малодоступной газете «Жизнь искусства», то позволю себе привести эту историю вкратце. Инициатором вопроса о «предосудительности» романа выступил Департамент полиции. Его директор обратился 28 января 1912 г. с письмом к начальнику Главного управления по делам печати А. В. Бельгарду, в котором обращал внимание на роман Мережковского, печатающийся в журнале «Русская мысль». С точки зрения директора департамента, в романе в отрицательном виде выводится личность императора Александра I. Особое внимание обращалось на декабрьскую книжку романа, где напечатаны главы, посвященные военным поселениям. В письме выражалось опасение, что взгляды на войну 1812 г. (в частности, убеждение Мережковского в том, что «в борьбе Александра I с Наполеоном не было абсолютно ничего героического, достойного славы и благодарной памяти потомства») влияют, поскольку роман очень попу-

лярен, на охлаждение в среде общества интереса к предстоящим военным торжествам в память Отечественной войны. Департамент полиции также обращал внимание на «неосторожные выражения» Мережковского. Главное управление ограничилось тем, что предписало московскому управлению по делам печати дать соответствующие разъяснения. Их дал наблюдающий за беллетристической частью «Русской мысли» статский советник Генц. Цензор доказывал, что, по Мережковскому, Александр I разделил ошибку многих современников, убежденных в полезности военных поселений (Карамзин, Сперанский). Генц указывал, что «неосторожные выражения» не дают повода для судебного преследования автора. В изображении Александра I нет ничего одиозного. В своем романе Мережковский не касается Отечественной войны, поэтому повлиять на охлаждение в среде общества к юбилейным торжествам произведение Мережковского не может. Поскольку мнение рядового цензора для департамента полиции мало значило, то 17 марта 1912 г. Главное управление по делам печати «предписывает члену своего совета Э. Берендтсу представить особый доклад по данному вопросу».¹²

Евгеньев-Максимов, публикуя этот доклад, дал такую характеристику его автору: «Берендтс, чиновник, не лишенный ни исторических сведений, ни литературной начитанности, к тому же обладавший, надо думать, редким в бюрократических сферах качеством — некоторой независимостью суждений, дал в своем докладе уничтожающую критику мнений департамента полиции».¹³

После революции, в августе 1918 г., Э. Н. Берендтс попал в Эстонию, где с октября 1919 г. до августа 1930 г. был профессором Тартуского университета.¹⁴ Берендтс активно сотрудничал в местных эстонских, русских, немецких газетах. 13 августа 1923 г. на страницах таллиннской газеты «Последние известия» были опубликованы его воспоминания «Из минувшего времени (Воспоминания о главном управлении по делам печати)».

Несколько слов о самом Берендтсе. В 4-м выпуске «Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi» («Вопросов истории Тартуского университета») была опубликована статья Л. Лесмента о Берендтсе как самом разностороннем из тартуских профессоров-юристов.¹⁵ Кроме того, Лесмент, юрист по образованию, слушал в первой половине 1920-х гг. пользовавшиеся большой популярностью среди студентов

его лекции по политэкономии, и в своих воспоминаниях он упоминает о Берендтсе-преподавателе.¹⁶

Из университетского дела Берендтса, хранящегося в Эстонском историческом архиве, а также из статьи Лесмента мы узнаем, что он долгие годы был профессором, а затем директором Демидовского Юридического Лицея в Ярославле. Четыре года проработал профессором Петербургского университета. С 1907 по 1918 гг. преподавал в Училище Правоведения в Петербурге. С 1908 по 1914 гг. Берендтс был членом совета Главного управления по делам печати.

В воспоминаниях Берендтса о Главном управлении по делам печати много неточностей. Видимо, это объясняется несколькими причинами. Подавляющее большинство преподавателей, живших до революции в России, во время гражданской войны не смогли вывезти свои библиотеки и архивы. В момент написания мемуаров Берендтсу было 63 года, а со времени его службы в Главном управлении прошло 9 лет. Естественно, что он мог что-то позабыть. Третья причина — дипломатическая. В начале 1920-х гг. в Тартуском университете работало много преподавателей из Финляндии. Они хорошо помнили, что в царское время Берендтс был крупным чиновником по финским делам, читал финское право, был автором нескольких книг по административному праву и финансам Финляндии. Так, известный финский лингвист Л. Кеттунен вспоминает профессора финского права Э. Берендтса, «который у нас был в свое время известен как сторонник политики русификации в Финляндии, здесь же пытался доказать нам, финнам, свои особые заслуги в качестве защитника прав Финляндии».¹⁷ Эта же тенденция сохраняется в воспоминаниях Берендтса, где он все время подает себя как умного либерального чиновника.

Деятельность Главного управления по делам печати Берендтс изображает так: «По словам закона, наш совет занимал высокое положение. Его председателем был начальник главного управления по делам печати на правах товарища министра, но он никогда не председательствовал, ибо совет никогда не собирался. Все члены совета, кроме меня, были маститые старцы, которые почивали на лаврах прежних заслуг. Некоторых из них я так и не узнал за все шесть лет, и единственным членом, дававшим заключения и решавшим дела, был ваш покорный слуга».¹⁸

Начальниками Главного управления по делам печати во время службы в нем Берендтса (1908 — 1914) были вначале А. В. Бельгард (1905 — 1912), а затем С. С. Татищев (1912 — 1915). О своей деятельности в совете Берендтс пишет как о деятельности крупного сановника с либеральными взглядами (он был кадетом), рыцарски защищающего печать от грубых полицейских чиновников. «Часто, очень часто приходилось защищать книги, журналы и газеты от административных налетов и попыток их упразднения».¹⁹ При этом, если верить мемуаристу, это заступничество всегда оказывалось успешным, и он выходил победителем из схваток с полицией.

Один из примеров, которые приводит Берендтс, — «успешная» защита журнала «Былое». Журнал привлек особое внимание жандармов, когда в нем наряду с историческими материалами «стали появляться извлечения из особо секретных изданий Департамента — обзоров жандармских дознаний, секретных циркуляров, секретных документов и записок, из которых некоторые относились к новейшим событиям».²⁰ Берендтс вспоминал: «Департамент полиции терпеть не мог журнала «Былое». Я же полагаю, что это очень неглупый журнал, ибо он с наивной откровенностью рассказывал про все приемы революционной агитации. Его нужно было читать и изучать. Высшее начальство несколько изумилось такому отзыву, но — подумав, — согласилось, и при Столыпине (по крайней мере) журнал продолжал существовать».²¹ П. А. Столыпин был убит в 1911 г. Последний же номер «Былого» вышел в конце 1907 г. По свидетельству автора анонимной статьи «Из истории "Былого"», журнал преследовал не только Департамент полиции, но и цензор Петербургского комитета по делам печати А. М. Андрияшев, который делал доклады по отдельным книжкам «Былого» за 1906 — 1907 гг. Комитет принимал постановления об аресте отдельных номеров журнала, а суд утверждал их.²²

«Александра I» Мережковского, как свидетельствует публикация Евгеньева-Максимова, Берендтс действительно защищал. Правда, в описании этой истории сохраняются характерные черты мемуариста: неточности, обязательный счастливый конец.

«Три раза мне пришлось защищать роман Мережковского «Александр I». Его преследовал департамент полиции».²³ Берендтс не помнит точно истории конфи-

скации рукописи романа Мережковского и излагает ее весьма произвольно. По его словам, инцидент произошел приблизительно в 1910 г., рукопись была возвращена автору и позднее «Александр I» был напечатан. «Мережковский написал первую часть романа за границей и возвращался в Россию через станцию Александрово.²⁴ Багаж был осмотрен и гг. жандармы купно с мытарями нашли рукопись и отняли ее у автора. Мережковский пожаловался, и пришлось департаменту полиции объяснить, что она не обложена пошлиной. Рукопись Мережковскому была возвращена²⁵ и в 1911 г. (если не ошибаюсь) появился в печати известный роман».²⁶ Берендтс вспоминает, как ему пришлось давать очень сердитый ответ на письмо вице-директора департамента полиции Белецкого.²⁷ Мемуарист иронически отмечает, что департамент полиции «не отличался тонкостью литературной критики».²⁸ Доклад же самого Берендтса, по мнению Евгеньева-Максимова, «представляет собой известную ценность, как литературно написанный отзыв о романе Мережковского».²⁹ Цензор Мережковского был, с одной стороны, высокообразованным юристом, читавшим лекции о полицейском праве,³⁰ а, с другой стороны, человеком, хорошо владевшим не только устным, но и письменным словом. Он писал статьи в газеты: «Народ», «Россия», «Новое время», а в 1906 г. даже издал сборник публицистических статей «Кое-что о современных вопросах». Берендтс вспоминает свой гневный ответ на заявление департамента полиции, «что появление такой книги накануне 1912 года только омрачит предстоящие торжества <... > Я выразил удивление, что департамент полиции столь мало знаком с русской литературой, что, очевидно, не помнит, что имеется один бессмертный труд, где проводится та же мысль, что ни Кутузов, ни Барклай, а лишь сила и условия привели к гибели Наполеона; что Александр I, как (генеалогически) прадед Николая II, не пользуется защитой статьи уголовного положения 1903 г., запрещающей хулить бывших императоров, точно так же, как и императрица Мария Федоровна, что декабристы отнюдь не прославляются, что, напротив, Пестель рисуется как декабрист-деспот, Каховский — не то негодем, не то полупомешанным, что все остальные — и Рылеев, и Якубович, и Муравьев отнюдь не идеализированы и т.д.»³¹ Евгеньев-Максимов публикует отрывки из доклада Берендтса. Царский сановник, как и рядовой московский цензор Генц, не видит в изображении Алек-

сандра I ничего предосудительного. Более того, он настаивает, что именно в декабрьской книжке «Русской мысли», на которую обратил внимание департамент полиции, «напечатана та глава, где личность Александра I выступает в весьма симпатичных очертаниях. Описывается наводнение 1824 года, отчаяние монарха в виду бедствия, его попытки лично помочь населению спасти утопающих».³² Берендтс в своем докладе не избегает острых углов, напротив, он обращает внимание на рассуждения декабристов о царубийстве, но при этом отмечает, что в романе декабристы изображены с непривлекательной стороны, а сцены с декабристами написаны на основании общедоступных мемуаров.³³ В своем докладе Берендтс делает ловкий ход: переводит внимание полицейских чиновников на отрицательное освещение второстепенных персонажей: архимандрита Фотия, кн. А. М. Голицына, митрополита Серафима. Да, соглашается Берендтс, в романе эти личности изображены малосимпатичными, но и здесь нет состава преступления. По словам Евгеньева-Максимова, «доклад Берендтса похоронил вопрос о репрессиях против романа Мережковского».³⁴

Но я не могу согласиться с выводами, сделанными Евгеньевым-Максимовым. «История этого вопроса весьма любопытна еще и в том отношении, что рисует нечто вроде конфликта между департаментом полиции и цензурным ведомством. Обычно такие конфликты не имели места, ибо цензурное ведомство за очень редкими исключениями шло в поводу у департамента полиции».³⁵ Начало 1910-х гг. — время, когда обострились отношения между департаментом полиции и цензурным ведомством. В марте 1912 г., т.е. в то самое время, когда был написан доклад Берендтса, был вынужден уйти со своего поста начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард. Хорошо осведомленная газета «Русское слово» в заметке «Уход А. В. Бельгарда» сообщала: «Как говорят, одной из причин ухода А. В. Бельгарда является несочувствие его некоторым мероприятиям, принимавшимся в последнее время по отношению к печати. Г. Бельгарду приходилось также неоднократно отстаивать независимость своего ведомства от покушений департамента полиции».³⁶

Скандал, разыгравшийся вокруг романа Мережковского, подогрел интерес читателей к книге. Первое издание «Александра I» было выпущено в издательстве т-ва М. О. Вольф и т-ва И. Д. Сытина, по-видимому, в февра-

де 1913 г.³⁷ В марте 1913 г. журнал «Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф» сообщал: «Спрос на новый роман Мережковского «Александр I» превзошел все ожидания. Еще до выхода романа в свет отдельную книгу, по первым газетным объявлениям, в книжные магазины Т-ва М. О. Вольф стали поступать требования на это издание в небывалых количествах со всех уголков России, от книгопродавцев и от частных лиц. Очень много требований поступает по телеграфу. Появившийся пока, впрочем, совершенно необоснованный слух, что издание по распродаже, по цензурным условиям, не будет повторено, еще более увеличил спрос и заставил торопиться приобретением товара».³⁸ Второе издание «Александра I» было выпущено в марте или в начале апреля 1913 г.³⁹ Уже упоминавшийся мной журнал «Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф» информировал об ажиотаже вокруг романа: «Газеты отметили редкий факт в истории русского книжного дела: спустя одну неделю после выхода в свет нового романа Д. С. Мережковского «Александр I» ни в одном книжном магазине не осталось экземпляров этой книги. Пришлось ускоренно печатать второе издание, и притом в более значительном количестве экземпляров, но, судя по его сбыту, есть основание полагать, что и оно скоро выйдет из продажи».⁴⁰ В мае 1913 г. было выпущено третье издание «Александра I».⁴¹

М. Ю. Коренева справедливо указывает, что «несмотря на разность исходных позиций, критики и литераторы выделяли некие общие черты, из которых складывался образ Мережковского в сознании современников. К таким общим местам в оценке творчества Мережковского можно отнести признание его статуса «европейской знаменитости»».⁴² Как и более ранние романы Мережковского, «Александр I» пользовался большим спросом не только в России, но и за границей. Журнал «Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф» в марте 1913 г. сообщал: «Новый роман Мережковского «Александр I», вышедший по-немецки в двух различных переводах, уже вызвал на страницах немецкой печати ряд отзывов преимущественно полных восторга».⁴³

Опасения критика В. Боцяновского, узнавшего о переводе «Петра и Алексея» на французский язык: «В каком виде покажет г. Мережковский Европе нашего Преобразователя-императора, которого все мы привыкли

не только называть, но и считать великим»⁴⁴ долгие годы разделяли и жандармы. Берендтс упоминает, что в связи с выходом немецкого перевода «Александра I» «департамент полиции вновь начал жаловаться, и вновь пришлось читать ему нотации».⁴⁵ У полицейских чиновников же были свои серьезные основания для беспокойства: в 1913 г. в России отмечался другой юбилей — 300-летие основания династии Романовых.⁴⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Боцяновский В. Критические наброски // Русь. — 1904. — 2 (15) апр. — N 109.
- 2 По подсчетам М. Д. Эльзона, «с марта 1903 по июнь 1908 г. Пирожков выпустил 22 названия их книг» (Эльзон М. Д. Издательство М. Д. Пирожкова // Книга. — М., 1987. — Сб. 4. — С. 162).
- 3 См.: Цехновицер О. В. Символизм и царская цензура // Ученые записки ЛГУ. — Л., 1941. — N 11 — С. 316—317.
- 4 Указ. соч. — С. 316—317.
- 5 Журнал «Книжный вестник» информировал: «Спб. градоначальником предписано принять все меры к аресту книги Д. С. Мережковского «Павел I». 3 мая чинами полиции конфискованная книга отбиралась в книжных магазинах и складах. Задержано несколько лиц, торговавших ее в разнос» (Книжный вестник. — 1908. — 17 мая. — N 20. — С. 146).
- 6 По сообщению М. А. Лятского, «предполагавшаяся постановка ее в немецком переводе на одной из берлинских сцен не была допущена, как полагают, вследствие вмешательства русского посольства» (Лятский М. А. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 15 т. — СПб.; М., 1912. — Т. 15. — С. X).
- 7 См.: Мережковский Д. С. 14 декабря. Гиппиус-Мережковская З. Н. Дмитрий Мережковский. — М., 1991. — С. 438.
- 8 Там же. — С. 439.
- 9 Арест «Александра I» // Русское слово. — 1912. — 30 марта. — N 74.
- 10 Мережковский Д. С. Письмо в редакцию // Русская мысль. — 1912. — N 5. — 2 паг. — С. 135.
- 11 Евгеньев-Максимов В. «Александр I» Мережковского и Департамент полиции // Жизнь искусства. — 1922. — N 13 (836). — С. 5.

- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 См.: ЕАА (Эстонский исторический архив). — Ф. 2100. Оп. 2. Ед. хр. 59.
- 15 Leesment L. Kõige mitmekülgemast Tartu juura professorist // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. — Tartu, 1977. — N 4. — Lk. 97–103.
- 16 Leesment L. Tartus, Viinis ja Pariisis // Mälestusi Tartu Ülikoolist. 1900–1944. — Tln., 1992. — Lk. 275.
- 17 Kettunen L. Tartust ja sealsest ülikoolist // Mälestusi Tartu ülikoolist. 1900–1944. — Tln., 1992. — Lk. 246.
- 18 Берендтс Э. Из минувшего времени (Воспоминания о главном управлении по делам печати) // Последние известия. — Ревель, 1923. — 13 авг. — N 193 (959).
- 19 Там же.
- 20 Из истории «Былого» // Былое. — 1917. — N 1 (23). — С. 9–10.
- 21 Берендтс. Указ. соч.
- 22 Из истории «Былого» // Былое. — 1917. — N 1 (23). — С. 5–22.
- 23 Берендтс. Указ. соч.
- 24 Во всех других источниках фигурирует станция Вержболово.
- 25 Часть рукописи романа не была возвращена Мережковскому.
- 26 Берендтс. Указ. соч.
- 27 У Евгеньева-Максимова речь идет о директоре департамента.
- 28 Берендтс. Указ. соч.
- 29 Евгеньев-Максимов. Указ. соч.
- 30 См.: ЕАА. — Ф. 2100. Оп. 2. Ед. хр. 59.
- 31 Берендтс. — Указ. соч.
- 32 Евгеньев-Максимов. — Указ. соч.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Уход А. В. Бельгарда // Русское слово. — 1912. — 9 марта — N 57.
- 37 В «Книжных новостях» журнала «Русская мысль» оно значится в списке книг, вышедших до 4 марта 1913 г. См.: Русская мысль. — 1913. — N 4. — 2 pag. — С. 149.
- 38 Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. — 1913. — N 3. — Б/с.
- 39 См.: Книжные новости // Русская мысль. — 1913. — N 5. — 2 pag. — С. 190.

- 40 Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. — 1913. — N 4. — Б/с.
- 41 См.: Книжные новости // Русская мысль. — 1913. — N 7. — 2 паг. — С. 289.
- 42 Коренева М. Ю. Д. С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков. — Л., 1991. — С. 46.
- 43 Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. — 1913. — N 3. — Стб. 51.
- 44 Боцяновский. Указ. соч.
- 45 Берендтс. Указ. соч.
- 46 Казалось бы, история с арестом рукописи и защитой ее Главным управлением по делам печати закончилась, но в том же 1912 г., когда была арестована рукопись, возникла необычная ситуация, при которой «Александр I» выступил в роли защитника «Павла I». Еще в 1911 г. против Мережковского было возбуждено уголовное дело за его пьесу «Павел I», в которой суд усматривал признаки 128 ст. угол. улож., т.е. дерзостное неуважение к верховной власти. З. Гиппиус в своих воспоминаниях о Мережковском пишет, что ему грозил как «минимум наказания — год крепости» (Мережковский Д. С. 14 декабря. Гиппиус-Мережковская З. Н. Дмитрий Мережковский. — М., 1991. — С. 440). В журнале «Книжный вестник» описывалось, как проходил суд в сентябре 1912 г.: «Пока дело находилось в производстве, успело выйти известное сочинение великого князя Николая Михайловича и теперь суд над Мережковским, происходивший сегодня в судебной палате, получил иное значение. Защитник его, прис. пов. М. Л. Гольдштейн, ходатайствовал о приобщении к делу этого сочинения великого князя, по содержанию своему весьма совпадающего с книгой Мережковского. Против этого возражал прокурор. Но палата согласилась с защитником и приобщила к делу книгу великого князя. Тогда прокурор ходатайствовал о закрытии дверей заседания, но в этом ему было отказано и дело заслушано при открытых дверях. Вместе с Мережковским обвинялся и издатель книги М. В. Пирожков. Палата оправдала обоих подсудимых и постановила снять арест с так долго бывшей под запрещением книги Мережковского «Павел I»» (Книгоиздательство. Хроника // Книжный вестник. — 1912. — 30 сент. и 7 окт. — N 39–40. — С. 672). Известное сочинение — это историческое исследование великого князя Николая Михайловича «Император Александр I» в двух томах, вышедшее в 1912 г. в С-Петербурге. И. Игнатович в рецензии на труд великого князя относит его «Александра I» к аристократическим книгам: прекрасно оформленным, изданным малым тиражом, для которых «существует одна свобода печати, а для книг-

«демократок» — другая, значительно» (И г н а т о в и ч И. Новый труд об «Александре I» // Северные записки. — 1913. — N 1. — С. 175). Но книга великого князя, пользующаяся неограниченной свободой печати, как и его имя, в какой-то мере помогала книгам, подвергшимся судебным преследованиям. По словам Игнатовича, «несомненно, характеристика Александра I, сделанная одним из его потомков, имеет, помимо исторического, и общественное значение, давая опорный пункт при суждении об этом императоре. Как известно, еще в недавнее время защите в процессах г. Мережковского и В. Г. Короленко пришлось опираться на авторитет автора указанной книги в доказательство допустимости отрицательной характеристики Александра I» (Указ. соч. — С. 176—177).